

Наталья БАЛАШОВА

ЛОВНО девятый вал, вздымается, вздымается над палубой матросская масса. Кажется, что вот сейчас обрушится она на офицеров-предателей, захлестнет их, захрутит в водовороте бескозырок и смочит за борт в своем очистительном, главном и ликующем потске. Напряженный, тревожный взгляд десятков пар глаз, суровые лица, пружинистые движения сильных, хорошо тренированных тел. И какая-то удивительная широта, мощь, размах и уверенность за всем, что творит — именно творит, а не просто делает, совершает, — эта матросская громада.

Таким — скульптурно четким, будто осязаемым — остается в памяти спектакль Владивостокского краевого драматического театра имени М. Горького «Разлом» Б. Лавренева в постановке Н. Басина, в оформлении художника Б. Локтина.

Нет, в этой интенсивно живущей на сцене массе людей не растворились, не потерялись ни партийный вождь матросов Годун (Е. Шальников), ни капитан «Заря» Берсенева (П. Попов), ни дочь Берсенева Татьяна (С. Зима). Просто они стали ее неотъемлемой частью, ее душой, ее мозгом, лишь более рельефно, более ярко выступавшими на этом многоликом, многохарактерном фоне.

Уж таково свойство дарования режиссера Н. Басина: видеть любое событие, любую человеческую жизнь в их неразрывной связи со всем происходящим вокруг — в обществе, в стране, в мире. Ему всегда словно бы тесно в стенах одного дома, в кругу интересов одной семьи. Для разговора со зрителем о волнующих его проблемах он непременно должен вывести своих героев на просторы площадей и улиц, на эстакаду большой стройки, чтобы ритмы их сердец проверить ритмами жизни всей страны, всего народа. В страстных, кипучих приливах и отливах человеческой массы нарастают конфликты, сшибаются характеры, разрешаются кульминационные моменты басинских спектаклей.

Решения, предлагаемые режиссером, бывают подчас неожиданными, подчас спорными, но никогда — противоречащими автору, противоречащими внутренней логике драматургического произведения. Взял хотя бы тот же «Разлом». По пьесе лишь из рассказа капитана Берсенева узнаем мы о том, как кипит революционный Петроград: митинги, демонстрации, плакаты, лозунги, листовки. На глазах у капитана Берсенева пролилась рабочая и матросская кровь на брусчатку Невского. Зреет восстание на подчиненном ему крейсере «Заря». Показ этих событий на сцене не предусмотрен автором. Но коль скоро о них идет речь, Н. Басин предпосылает спектаклю своеобразный пролог, в котором слова Берсенева становятся как бы зримыми: прямо в зрительный зал летят с балкона белыми хлопьями пачки революционных прокламаций, четко печатая шаг, идет матросский отряд, ружейный залл встречает рабочую демонстрацию, оставляя на земле распростертое тело женщины.

И тогда все последующие события в семье Берсенева и на палубе «Зари» обретают особо напряженное звучание, как бы увиденные сквозь драматическую призму этого пролога.

Даже урок «революционной арифметики», который дает Годун Татьяна, происходит здесь не под мирным абажуром берсенева столы, а под уличным фонарем, в сопровождении дождя, порывов ветра, гудящего шага ночных патрулей.

В свой прошлый приезд в Москву на гастроли три года назад Владивостокский театр привлек особое внимание зрителей двумя названиями, давно не появлявшимися на афишах, — «Хлеб» В. Киршона и «Первой Конной» Вс. Вишневского. На этот раз в репертуаре театра рядом с «Хлебом», уже шестой год не сходящим с его афиши, стоят еще три пьесы, столь же давно и столь же незаслуженно забытые театрами: «Рельсы гудят» В. Киршона, «Разлом», о котором уже шла речь выше, и «Иван Грозный» («Орел и орлица») А. Толстого.

На «ради оригинальности» главный режиссер театра Н. Басин и весь коллектив владивостокцев берутся за «воскрешение» старых пьес. В событиях давно прошедших лет режиссер ищет и находит мотивы, созвучные нашему времени, мысли, способные волновать сердца сегодняшнего зрительного зала.

Разговор о труде не ради рубля и куска хлеба, а о труде как источнике радости для человека, труда — творческом процессе, обогащающем, помогающем формированию личности, — становится для театра главным в спектакле «Рельсы гудят». И тогда при всей своей яркости неминуче отходит на второй план, оказываются лишь фоном для этого главного и сцена измученной вечеринки, и спор инженеров-проектировщиков, и даже эпизоды в доме «красного» директора Василия Новикова.

В спектакле «Рельсы гудят», как и в «Разломе», есть сцены, драматургом не предусмотренные. Но точно угаданные и выстроенные режиссером с помощью художника Б. Локтина, они помогают наиболее полно раскрыть основную авторскую мысль.

Цех завода. Обеденный перерыв. Жизописными группами — у станка, прямо на полу, на верхних площадках — расположились рабочие. Одни едят, другие играют в карты, девушки негромко поют. Гудок. Конца перерыва. И вдруг все кругом словно бы ожило: медленно поползли сверху вниз гигантские шестерни, забил по наковальне могучий молот, выби-

вая огненные искры, ритмично задвигались руки рабочих у станка, и мощные звуки оркестра перекрыли скрежет и лязг металла. Зазвучала вдохновенная симфония труда.

Когда-то своей первой пьесой о рабочем классе Николай Погодин дал неожиданно возвышенное название — «Позма о топоре». Все свое восхищение человеком труда выразил драматург в этом названии. Пьеса В. Киршона почти что ровесница погодинской «Позмы», и именно как поэму, как гимн труду поставил ее режиссер Н. Басин и сыграл коллектив владивостокцев.

В роли Василия Новикова, еще вчера бывшего простым рабочим, а сегодня поставленного партией во главе огромного коллектива, выступает молодой актер В. Пинчук. Большой, неуклюжий, угловатый, явно стесняющийся своей громоздкости, в тяжелых сапогах, черной косоворотке, этот Василий вроде бы ничем внешне не отличается от остальной рабочей массы. Только очень внимательный, пылкий взгляд ясных, почти мальчишеских глаз, все время как бы вопрошающий или старающийся проникнуть в самую глубину мыслей собеседника, заставляет неотрывно следить за ним. Ему очень трудно, почти невыносимо: саботируют спецы, провоцируют изманы, настороженно-выжидательно поглядывают прежние товарищи, даже жена Анна (С. Зима) не хочет понять сложности его положения и устраивает дома дурацкие сцены ревности. Но страна нужна паровозы — и он должен, не может не дать их, потому что он коммунист и выполняет волю партии.

Василий Новиков-Пинчук из той же настигаемой породы большевиков, что и секретарь окружкома Михайлов, созданный Е. Шальниковым в «Хлебе», и Годун из «Разлома», и герои спектакля «Я отвечаю за все» (по Ю. Герману) — Устиманко (В. Пинчук), Богословский (Е. Шальников), секретарь обкома Золотухин (Н. Михеев).

И хотя в театре, может быть, не думали об этом, когда включали в репертуар вслед за пьесами В. Киршона инсценировку по роману Ю. Германа (режиссер В. Аронов), но, встав сейчас рядом на афише, эти три

С. ЗИМА (Татьяна) и Е. ШАЛЬНИКОВ (Годун) в спектакле «Разлом».

ЭТОТ ТЕАТР — НАШЕНСКИЙ

спектакля составили своеобразную трилогию о коммунистах, о тех, кто в городе и на селе принял на себя все трудности первых лет становления Советской власти и кто уже после войны, придя на смену тем, первым, взялся восстанавливать порушенное фашистами большое советское хозяйство.

К тому же ряду постановок о людях, беззаветно отдающих себя служению Родине, принадлежит и спектакль «Дипломат» С. Алешина, строгий, даже чуть аскетический (режиссер Г. Оганесян, художник С. Арефин), с очень интересными работами В. Петрова в роли советского дипломата Максимова и В. Петрашевича в роли О'Креда.

Интересно отметить: если в спектаклях прежних лет режиссура, поглощенная кипучей жизнью людской толпы, иной раз словно бы забывала о центральных героях, порой лишь эскизно набрасывая рисунки их ролей, то теперь в равной степени глубоко и тщательно разрабатывается каждый образ в его сложных взаимосвязях с окружающими, а в результате, естественно, несравненно ярче, интереснее раскрываются индивидуальности актеров.

Недалекая, затурканная, вся погруженная в домашние неурядицы и бабьих сплетнях Анна («Рельсы гудят»), созданная С. Зима, — полная противоположность другой героине актрисы — Татьяне («Разлом»), целеустремленной, деятельной, с ясными, определенными взглядами.

Массивный, грузноватый, но весь в кипении, в увлеченности делом и к тому же застенчиво влюбленный Годун у Е. Шальникова в «Разломе». А его же доктор Богословский — очень молодой, серьезный, до резкости прямой человек, хирург-художник, черпающий в своем деле силу жизни и силу любви к людям. Интересно, что в «Деле Артамоновых» Е. Шальников строит характер Петра на чертах прямо противоположных: его герой раздавлен, уничтожен делом, которому отдал всю свою жизнь (режиссер Г. Оганесян).

Почти в каждом спектакле занят Н. Михеев. Умный и дальновидный при всей своей «грозности» царь Иван («Иван Грозный») и мелкий, изворотливый, злобный, словно ощерившийся волк, излман Паршин («Рельсы гудят»); какой-то весь «дремучий», страшноватый на вид дворянин-молчун («Дело Артамоновых») и на редкость простой в обхождении, внимательный к людям секретарь обкома Золотухин («Я отвечаю за все»).

А всегда неизостыжимый на комедийные находки А. Присяжнюк не только блеснул перед москвичами своим актерским дарованием, но еще вынес на суд

Сцена из спектакля «Рельсы гудят».

Фото С. ГОЛУБЕВА и П. БЕЛЯЕВА

зрителей собственную постановку — комедию А. Софронова «Судьба-индейка» — озорной, остроумный, веселый спектакль, задуманный в духе народного лубка (художник С. Арефин).

Хорошо зарекомендовала себя и молодежь театра: В. Пинчук, С. Ястребова, И. Присяжнюк, Л. Коленко, Т. Лукина. Интересные работы есть у Т. Данильченко, Н. Дибенко, И. Четвериковой. Чувствуется, как крепнет, становится более многогранным мастерство всех актеров Владивостокского театра.

Это, наверное, самое главное, когда режиссура и труппа много лет работают дружно, вместе, привыкая с полуслова понимать друг друга. По сравнению с прошлыми гастролями Владивостокского театра это особенно заметно.

При въезде в город Владивосток стоит на шоссе высокий обелиск. У его основания — изваяние матроса... А на цоколе памятника — слова В. И. Ленина о том, что хотя Владивосток и далеко, но город-то он — нашеньский.

Нашенским, очень нашеньским по своей репертуарной линии, по режиссерскому прочтению драматургии, по зрелости актерских работ показал себя Владивостокский драматический театр имени М. Горького, хоть и трудится он далеко от столицы, на самом берегу Тихого океана.